

Мария ГОРОДЕНЦЕВА

Переводчик испанского языка, начинающий писатель. Публиковалась в нескольких иностранных журналах и антологиях короткого рассказа. Живет в Москве.

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ Н.

– Маруся, принесите нам чаю! – манерно произнес Анатолий. – И не забудьте варенье, как в прошлый раз! Такая несообразительная мумука... – вполголоса сказал он гостю, лукаво улыбнувшись.

Когда чай был выпит, варенье скушано, а сигареты выкурены, Анатолий, как обычно, потёр свои маленькие толстые руки, крикнул от удовольствия и задорно проговорил: «А ну-ка! Посмотрим, что у нас тут!».

Он устроился в мягком кресле, под торшером с темно-красной бахромой. Посетитель же ерзал на неудобном табурете, предложенном ему вроде бы невзначай, но на самом деле игравшем очень важную роль в этом иерархическом представлении. Маруся тихо пряталась у полузакрытой двери, чтобы хоть тайно, но участвовать в процессе. И вот третий звонок – спектакль начался: Анатолий приступил к чтению.

Анатолий был довольно известным литератором. Ему нравилось представлять себя героем чеховских или купринских рассказов. В юности он даже пробовал играть в театре, но Мельпомена была к нему неблагоприятна, поэтому он с головой ушел в беллетристику, сохранив, правда, любовь к драме. Отсюда эти странные прозвища, обращения на «вы», и порядки в духе начала прошлого века. Но это были не единственные его достоинства: Анатолий был своеобразным филантропом, «человеколюбом и благодетелем», как он сам любил себя называть после пары рюмочек беленькой. Несмотря на свой занятой график, публичные лекции, деловые встречи и т. п., он два раза в неделю принимал у себя в кабинете – на том самом табурете – писателей, чтобы помочь им, так сказать, безвозмездно и от чистого сердца, в их литературном становлении. Принимал он исключительно молодых, ни разу не публиковавшихся авторов, с их ещё юными, такими свежими, непошлыми идеями и взглядами на жизнь, чьи произведения ещё не смердели от многолетних химерических сексуальных фантазий, порождённых беспробудным пьянством и импотенцией. Зрелые сочинители, с каждым годом уходившие всё дальше и глубже в анналы своей иллюзорной юности, его не интересовали, как, собственно, и он их.

Маруся, все еще молодая полная женщина, долгое время его обоготворявшая, прилежно посещавшая все публичные мероприятия – будь Анатолий рок-звездой из шестидесятых, ее непременно прозвали бы группы, – с недавних пор всегда тайно присутствовала на этих чтениях. Замужняя жизнь быстро сняла пелену слепого обожания с ее глаз,

и она могла ясно, точно под микроскопом, видеть натуру своего супруга-творца. Сначала ей было сложно в это поверить, но с каждым разом убеждаясь все больше и больше, она поняла – ее муж вор и лжец.

Всё, что будет происходить в кабинете, ей было уже известно заранее: сначала Анатолий будет с выражением читать два или три рассказа, что принесло молодое дарование, потом будет минут пятнадцать ходить по комнате, курить и что-то бормотать себе под нос; молодой писатель же в это время будет сидеть тихо, еле дыша, низко опустив голову, словно ожидая казни, а затем – вердикт. Всегда неутешительный. Критиковать Анатолий был мастак, надо было лишь дать ему повод, а что сказать, он всегда находил.

Так случилось и тогда. Вся пунцовая, Маруся слушала, как Анатолий в очередной раз притворно успокаивал автора, пряча только что прочитанную рукопись в стол. «Очень плохо, я бы даже сказал паршиво, но вы не расстраивайтесь, вы так молоды, у вас все впереди». Ей было стыдно за то, что недели через две ворованный, чуть исправленный рассказ появится в каком-нибудь литературном журнале; за то, как он будет самодовольно улыбаться, читая критику и положительные отзывы, напевая под нос «каков дока́, мумука́...»; за то, как он будет ломать комедию перед каким-нибудь обманутым писателем, набравшимся смелости бросить, точно дуэльную перчатку, обвинения в краже прямо ему в лицо («Ну что же вы, голубчик! Ну где же это ваш рассказ? Если бы был ваш, вы бы уже давно прославились! Ну полно, всё ещё впереди, не дуйтесь и, главное, побольше пишите!») или смешивать с грязью особо недовольного («Милочка, во-первых, не кричите в моем доме, а во-вторых, вы, конечно, о себе слишком высокого мнения. Моя ошибка в том, что в прошлый раз я вас пожалел и не высказал все, что думаю о вашей бездарной и пошлой графоманской писанине. Пожалел ваши чувства, старый дурак, промолчал, а надо было сказать все как есть – знайте, за сорок пять лет писательской деятельности я не видел ничего более банального и скучного. Вам стоило бы запретить на законодательном уровне марать бумагу. Профан! Идите вон! Вам здесь больше не рады!») и т. п.

Дверь внезапно отварила, и от неожиданности Маруся вздрогнула. После экзекуции молодой писатель выглядел жутко уставшим и бледным. Было видно, что ему нестерпимо хочется уйти из этого дома, но рука никак не продевалась в пальто, а ботинки, словно уменьшившись на несколько размеров, никак не хотели вмещать в себя обессиленные ноги.

В коридоре Анатолий на прощание пожал вялую руку молодого сочинителя, а потом обратился к Марусе: «Не заходите ко мне, дорогая! Мне нужно работать. И так столько времени потерял с этим вот...» Последнее было сказано шепотом, но таким громким, что его различили бы и в соседней комнате. Это была вишенка на торте, десерт, которым Анатолий обязательно угощал каждого визитера.

Потом он громко хлопнул кабинетной дверью, оставив Марусю наедине с писателем. Она помогла надеть тому пальто и дала шарф, про который он, кажется, совсем позабыл.

– А мне ваши рассказы очень понравились... – скромно заметила Маруся. – Особенно про собаку. Я бы на вашем месте...

– Да что вы понимаете! Мумука... – прервал он её, а затем вышел из квартиры даже не попрощавшись, оставив после себя лишь грязные следы в прихожей.